

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-1-43-53

УДК 821.16.1

«Работать не хочу...» К 80-летию со дня рождения Венедикта Ерофеева

Т.Е. Трощинская-Степушина

Государственное учреждение образования «Средняя школа № 4 г. Витебска»
Республика Беларусь, 210009, Витебск, проспект Фрунзе, 67

24 октября 2018 года исполнилось 80 лет со дня рождения Венедикта Ерофеева — одного из самых необычных русских писателей, мыслителей и бунтарей XX столетия. Данная статья посвящена выявлению и описанию природы творческой интенции писателя. Кроме этого, приводится аналитический обзор основных этапов биографического и творческого пути В. Ерофеева. Доказывается, что основными смыслообразующими векторами творческой природы автора являются: истоки (или травмы), которые определили драматический вектор всего жизненного пути; дар как потенция рождения творческой энергии; «сумасшествие» как оригинальное, самобытное проявление индивидуальности и, наконец, вера — мощный нравственный и духовный ориентир.

Ключевые слова: Венедикт Ерофеев, травма, литература, творчество, сумасшествие, талант, вера

Введение

«Сознание человечества настолько насыщено пылью обычности, что необходимо пробить эту стену», — писал Николай Рерих. Венедикт Ерофеев всю жизнь занимался тем, что пробивал ее — давно обветшавшую, но крепкую ограду с колючей проволокой поверху. Потому что однажды и навсегда посвятил себя тому, для чего были рожден: Творчеству как постижению смысла человеческой жизни. Выявлению и описанию истоков таланта В. Ерофеева посвящена данная работа.

Детство. Первые травмы

Венедикт Ерофеев родился в октябре 1938 года и был младшим из шести детей домохозяйки Анны Андреевны (в девичестве Гушиной) и Василия Васильевича Ерофеева — начальника железнодорожной станции Чупа Лоухского района Карельской АССР. По воспоминаниям старшей сестры Тамары, Веня, маленький, худенький мальчик, — «всеобщий любимец. Даже очень строгая мама называла его ласково Венушка» [13. С. 4]. От матери у Ерофеева чувство юмора, любовь к литературе, истории. А от отца? Говорили, что он был веселым, компанейским человеком и что их семья жила дружно. Но Ерофеев безжалостно разрушает идиллическую картинку — много позже, в 1990 году в интервью журналу «Континент» Ерофеев скажет: «Родители были грустная мамочка и очень веселый папочка. Он

был начальник станции. Он все ходил и блядовал, ходил и блядовал... А мамочка переживала». И далее: «Самые первые воспоминания почему-то самые траурные. Покойная мать сказала всем старшим братьям и сестрам — подойдите к кроватке и попрощайтесь с ним. Со мной, то есть. Это был 41-й год, значит, мне было два с половиной года» [11].

В 1945 году по доносу осуждают отца, в марте 1947 года за кражу хлеба голодной зимой — брата Юрия. После ареста Юрину карточку не отоваривают, матери как жене врага народа они давно не положены. Семья почти голодает: сначала Веня, а затем Нина (сестра) и Боря попадают в больницу с цингой. В это же время мать, не желая жить на иждивенческие карточки детей, уезжает на заработки в Москву, фактически бросая Борю и Веню на произвол судьбы. В начале мая 1947 года старшей сестре Тамаре с большим трудом удается устроить их в Кировский детский дом, о котором Веня вспоминал потом с горечью и болью. Летом 1951 года отец вернулся из заключения сломленным, больным туберкулезом, пьющим. В начале 1952 года он вызвал из Москвы мать. Веню забрали из детдома в июне 1953-го.

Таким образом, травма рождения, болезни, голод, постоянные переезды, заключение отца, брата, последующий алкоголизм обоих, длительное пребывание в детдоме и, главное, предательство значимых взрослых сформировали такой комплекс психологических защит, которые, с одной стороны, помогли ему выжить, с другой, сдавливая, как панцирь, не давали психологически расти и развиваться.

Истоки творчества

Каковы же истоки творчества Ерофеева? С детства он отличался незаурядным интеллектом и любовью к литературному слову, отлично учился в школе. По окончании школы получил золотую медаль, которая дала ему возможность поступить в МГУ без экзаменов, по собеседованию, которое он также прошел блестяще. Так же блестяще он проучился первый семестр, сдав первую сессию на «пятерки». Но вскоре пристрастие к алкоголю, любовь к компаниям и непозволительным тогда розыгрышам (например, стихотворное издевательство над З. Космодемьянской) привели к тому, что его отчисляют сначала из МГУ, а затем еще из трех вузов Подмоскovie, в которые он поступал, повергая приемные комиссии в интеллектуальный шок своими глубочайшими познаниями в литературе.

Нужно отметить, что, кроме литературы, Ерофеев прекрасно разбирался в музыке, античной философии (особенно любил Аристотеля), знал латынь, учил немецкий (без практики было трудно), читал (но не увлекался) почти неизвестного тогда в Советском Союзе основоположника психоанализа. В юности на будущего писателя оказал серьезное влияние Ф. Ницше. Произведение «Записки психопата», по мнению О. Седаковой, написано именно в ницшеанском стиле. В «Москве — Петушках» ничего подобного уже нет: идея «последней жалости» вытеснила «сверхчеловека» [10]. Другим его любимым мыслителем был В. Розанов, которому он посвятил эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика». Из современников с большим почтением он говорил о С.С. Аверинцеве: «Самый умный человек в России» [10].

В литературных пристрастиях Ерофеев был взыскателен и строг, разборчив до педантизма. «У него был очень сильный избирательный импульс, массу простых вещей он не читал... Он, как собака, искал “свое”», — вспоминал о нем В. Муравьев. Так, он восхищался Д. Алигери, обожал запрещенную тогда М. Цветаеву, И. Северянина, затем — Б. Ахмадулину (с которой подружился), В. Высоцкого (очень хотел, но не решился познакомиться). По свидетельству В. Муравьева, «очень любил Салтыкова-Щедрина, обэриутов — Хармса, Олейникова» [12]. Преклонялся перед талантом И. Бродского, в архиве которого в списках обязательного чтения для студентов была обнаружена и «Москва — Петушки». «Легко высмеивать. Легко говорить колко и остроумно о советской действительности, она и так абсурдна. Изобличить ее ничего не стоит, — говорил поэт в одном интервью. — Однако я понимаю, что это не было главной целью Ерофеева, когда он писал книгу. Он пытался найти, высвободить голос...» [15]. Н. Благовещенский называл это «поиском самости» [2. С. 40].

Нужно отметить, что ни к какому определенному течению Ерофеев не присоединялся, и прямых литературных предшественников Ерофеева назвать трудно. Подруга Ерофеева Ольга Седакова называет имя английского писателя Л. Стерна («Сентиментальное путешествие по Франции и Италии»). У Б. Успенского можно найти подтверждение этой мысли: «“Москва — Петушки” поразили изяществом стиля и неожиданными, очень остроумными поворотами мысли. Этим поэма напомнила мне “Сентиментальное путешествие” Стерна» [5].

Будучи высококлассным профессионалом в своем подходе к литературе, он в то же время писал «как есть»: источником его творчества была сама жизнь. Его собственная неприкаянная, часто бездомная жизнь. Еще М. Бахтин считал, что большое произведение рождается на границах «эстетического», совсем рядом с «жизнью». При этом нахождение им «собственной манеры письма» исследователи (О. Лекманов, М. Свердлов и др.) называют чудом: пусть сверходаренный, но все же дилетант стремительно преобразился в одного из лучших прозаиков современной ему России. «До “Петушков” я знал: замечательный друг, умный, прелестный, но не писатель. А прочел “Петушки”... тут понял — писатель», — признавался В. Муравьев [7. С. 7].

Многие в буквальном смысле пропадали, прочитав «Москву — Петушки». В одной из своих статей О. Седакова писала, что «Веничка своими «Петушками» утащил на дно не меньше людей, чем Гёте своим Вертером. Молодежь, которая читала не слишком вдумчиво (как многие в свое время «Вертера»), извлекала из «Петушков» самое простое: спиваться и катиться вниз [10]. Перед талантом Ерофеева преклонялись люди искусства Б. Ахмадулина, В. Некрасов, С. Довлатов и др., ученые Ю. Лотман, Б. Гаспаров, Н. Толстой, Б. Успенский и др.

Однако не все восхищались его творчеством: Ерофеева называют «нераскрывшимся талантом» (Ю. Минералов [6]), «серьезным читателем, но выдуманном писателем» (В. Новиков [8. С. 103]). «Культ Венедикта Ерофеева, культурный образ Венички, — пишет В. Новиков, — отразили нашу глубокую духовную усталость, опасность творческой немоги, в которую мы все охотно и часто впадаем, но которую, по-моему, нет резона оправдывать, а тем более эстетизировать» [8. С. 112]. Действительно, современный молодой читатель, скорее увлекается дру-

гой литературой: время все-таки резко изменилось, и реалии 70–80-х гг. прошлого века ушли в прошлое. Нам думается, заслуга Ерофеева заключается прежде всего в том, что он являлся символом свободы как ее понимали тогда, и в этом смысле его значение и значение поэмы «Москва — Петушки», где реалии того времени предстают без прикрас, трудно переоценить.

Сумасшедший?

По мысли ученого-семиотика В. Руднева, каждый выдающийся деятель культуры однозначно и бесспорно страдает тем или иным психическим расстройством разной степени тяжести [9. С. 3]. Оговоримся сразу, под безумием (сумасшествием) мы понимаем не клинические случаи расстройства мышления или распада личности, но способность принимать и понимать собственный внутренний мир, способность выйти за рамки обыденного восприятия мира внешнего, смелость быть самим собой, что может сопровождаться чудаковатым поведением. Все это вкупе с фантазией и одаренностью и оставляет тот феномен, который называется талантом или гениальностью. Подобное сумасшествие является, по мнению ученого, условием творческой интенции художника, более того, — зачастую служит залогом успеха. Например, в своей книге «Безумие и успех в культуре» В. Руднев в числе наиболее известных шизотипических личностей XX века называет Л. Витгенштейна, Ф. Кафку, В. Маяковского, П. Сезанна, И. Стравинского, Д. Хармса, Г. Юнга и других [9. С. 4].

Ерофеевское «сумасшествие» проявлялось в том, что он категорически отказывался включаться в любую общественную структуру: иметь дом, семью, работу: «Я остаюсь внизу и снизу плюю на всю вашу общественную лестницу. На каждую ступеньку по плевку» [4. С. 141]. Для людей, не знавших его близко, такая позиция казалась, конечно, не просто непривычной — безумной. «Сумасшедшим можно быть в любое время», — сказал он в одном из своих интервью [11]. И действительно, тема безумия красной нитью проходит через все его творчество. В пьесе «Вальпургиева ночь, или Шаги командора» действие происходит в сумасшедшем доме; одно из его первых написанных произведений, по собственному признанию писателя, «самое объемное и нелепое из написанного», носит название «Записки психопата». Речь, разумеется, не о диагнозе. Как известно, Ерофеев страдал алкоголизмом, поэтому одной из его магистральных эмоций являлось постоянное чувство вины, рождающее потребность самонаказания. Это явно проявляется в концовке «Москвы — Петушков», где автор «убивает» своего Веничку: «Они вонзили мне свое шило в самое горло... и с тех пор я не приходил в сознание, и никогда не приду» [4. С. 218]. Сказано очень честно и очень трезво: метафизически он и не собирался приходиться в сознание — это было слишком больно и страшно. При этом Ерофеев настаивал на символическом характере своего пьянства: мол, каждый упивается своим — кто водкой, кто чем-то еще, и неизвестно, кто пьянее. Для него было важно, «чтобы алкогольный сюжет в его жизни не понимали слишком буквально» [10].

Н. Благовещенский, психолог, автор книги «Случай Вени Е.: психоаналитическое исследование поэмы “Москва — Петушки”», также склоняется к мнению

о том, что ерофеевский алкоголизм стал «существенным предметом мифотворчества», сложившегося вокруг образа писателя [2. С. 10]. Автор представляет пьянство Ерофеева как некий инфантильный феномен. Выпивка в данном случае — попытка заглушить душевную боль (как и постоянная насмешливость, которая есть не что иное, как защитный механизм, помогающий спрятаться от своей же внутренней реальности). К тому же алкоголизм в данном случае специфичен: автор обращает внимание на странное «раблезианское» потребление Веничкой спиртных напитков, которое он связывает с проблемами самооценки («беспольное ископаемое, вот кто я» [3. С. 5]).

Для травмированного человека «невыносима мысль, что он обычный», поэтому он стремится подтвердить свою исключительность любым способом, неважно, хорошим или плохим (например, алкоголем). Здесь автор книги также усматривает некую инфантильную проблему, поскольку такое самоутверждение характерно для подросткового возраста и связано с желанием привлечь к себе внимание. (Книга заканчивается неутешительным выводом Благовещенского о том, что Веничке так никогда и не удастся пережить зрелое состояние «я»). Впрочем, в рамках данного исследования мы не ставим задачу подробно останавливаться на механизмах формирования и способах преодоления алкогольной зависимости Ерофеева, заметим лишь, что, говоря о его личности и творчестве, необходимо иметь в виду, что огромную часть своей жизни, начиная с 18 лет, он провел в измененном состоянии сознания. Именно поэтому в его главном произведении — поэме «Москва — Петушки» нет вымысла — фантастика проявляется только в последних сценах.

Образ главного героя — опустившегося, но при этом надмирного бездомного маргинала-пьяницы, и откровенность, с которой он раскрывает себя в диалогах, пугающая жестокость окружающего мира, ирония («противоирония», по В. Муравьеву), пародийность, цитирование, смешение культур и пр. — все это перевернуло сознание советского читателя, и Ерофеев шагнул в вечность («я одной ногой в гробу, а другой в могиле»), в одночасье став классиком современной литературы и пионером советского постмодернизма. Даже тот факт, что впервые поэма была напечатана в журнале «Трезвость и культура» (над чем в свое время от души потешался и сам автор) — тоже постмодернистский кульбит, когда высокое смешивается с низким, издеваясь над простыми советскими «буржуа» — оболваненными винтиками, строящими прекрасное будущее. Возможно, именно таких людей имел в виду Ерофеев, когда писал: «Мне ненавистен “простой человек”, ненавистен постоянно и глубоко, противен и в занятости, и в досуге, в радости и в слезах, в привязанности и в злости, и все его вкусы, и манеры, и вся его “простота”, наконец» [4. С. 494]. Причины подобной агрессивности Ерофеева, вероятно, кроются в глубокой неудовлетворенности жизнью и своим местом в ней.

Таким образом, семейные драмы и психологическая травматизация послужили основой формирования невротического склада личности, неуверенности в себе, страхе перед окружающим миром, выражающемся в постоянном стремлении противопоставлять себя ему, бессознательно создавая конфликтные ситуации, повторяющие сценарии из детства.

Вера

Отдельно необходимо остановиться на теме религии, которая оказала значительное влияние на творчество Ерофеева. Конечно, о религиозном воспитании ребенка, родившегося в Советском Союзе в 1939 году, речи и быть не могло. Однако Ерофеев атеистом не был, возможно, благодаря тете Дуняше — любимой тетке Авдотье Андреевне Карякиной. По словам Т. Гущиной, она «была человеком необычайной доброты, из тех редких людей, что отдают последнее. Вена, когда жил в Москве, часто заглядывал к тете Дуняше. Здесь он всегда был накормлен и получал рубль на дорогу. Тетушка была очень верующей, и не без ее влияния Вена стал интересоваться вопросами религии» [13. С. 18]. По свидетельству Т. Гущиной, их «дед по материнской линии Андрей Прокофьевич был псаломщиком в сельской церкви» [13. С. 5]. В ранней юности прочитав Библию, Ерофеев назвал ее главной книгой человечества.

При этом о религиозных чувствах автора «Москвы — Петушков» и о его отношении к церковной жизни О. Седакова высказывалась так: «Насколько я помню, Вене всегда хватало его личной веры. Когда люди, окружающие его, становились правильными, крестились в церкви, обращались в православие, он над этим только посмеивался <...> Он говорил мне: “Когда будет уж совсем паршиво, тогда и крещусь”. Но говорил он это уже во время болезни. Ранее такой вопрос вообще не стоял перед ним» [5]. Про таких своих вдруг «оправославившихся» знакомых он говорил: «Они сели на трамвай и думают, что этот трамвай их довезет, а я хочу своими ногами» [5]. Ему не нравилось, когда брали какие-то готовые, не лично выстраданные правила.

«Как-то спросила Веничку, почему он до сих пор не крещен, — вспоминает Н. Шмелькова (последняя муза Ерофеева). — Рассказал, что разговоры об этом идут уже давно, что приезжали уговаривать его даже священники. Заявил, что не любит православие за холуйство, что, если бы Господь дал ему еще два-три года, он написал бы книгу. Сказал, что сейчас готов креститься, но примет католическую веру» [14. С. 46]. Актриса Ж. Герасимова вспоминала: «Как-то я спросила Веню: “Объясни мне, примитивной, глупой бабе, почему ты выбрал католицизм, а не православие? Для чего это — чтобы быть оригинальным?” Он ответил так: “Потому что в католицизме я сын Божий, а в православии раб. А рабом я быть не хочу”» [5]. Действительно, В. Ерофеев критически относился к православию: возмущался тем, что с византийских времен, а особенно в послепетровское время церковь была не свободна от государства. Католицизм же для него был воплощением мировой культуры. Кроме этого, его друг В. Муравьев был католиком. В. Ерофеев крестился в апреле 1987 года (крестный отец — Владимир Муравьев) в храме святого Людовика Французского — единственном тогда в Москве католическом храме. «...Ерофеев не мог скрыть своего волнения. У него дрожали губы. Началась служба. Полились звуки органа. Запел хор. У Венички на глаза навернулись слезы» [15. С. 46].

Любопытный факт. Первая официальная публикация поэмы «Москва — Петушки» состоялась в 1973 году в иерусалимском журнале «АМИ». Почему именно там? Микропленку машинописного текста удалось переправить в Иерусалим

с одним из отъезжающих знакомых. Вспоминают соредакторы журнала В. Фромер и Б. Левин: «Средства на печатание трехсот экземпляров нашего журнала выделила крошечная Либеральная партия Израиля, убедив ее функционеров в том, что “Петушки” обязательно принесут голоса “русских” избирателей. Через месяц партия развалилась, но “Москва — Петушки” уже обрела свой мировой статус...» [1].

Библейские мотивы в поэме Ерофеева отмечают многие исследователи. Б. Гаспаров и И. Паперно в статье «Встань и иди» (см. сб. “*Slavica Hierosolymitana*”, 1981), вышедшей до официальной публикации поэмы и посвященной исследованию соотношения ее текста с Библией и творчеством Ф. Достоевского, прямо говорят о евангельском субстрате «Петушков». О. Седакова считает, что «в риторике “Петушков” слышен язык и пафос “Исповеди” блаженного Августина. Иногда совсем близко» [10]. Ю. Левин, автор комментариев к поэме, утверждает, что одним из мощных полюсов текста является Библия (Новый Завет, Песнь песней и Псалтирь).

Стал ли Ерофеев после крещения ближе к Богу? Был ли он верующим? Однозначно на эти вопросы ответить трудно. Представляется, что он был ближе к самой евангельской истории, чем многие из тех, кто ведут «нормальную церковную жизнь». Темы жалости, милости к падшим, бесконечного терпения, даже уничтожения были ему близки. И его Веничка, как отмечает И. Сухих, — «божий человек, не желающий обидеть любой, самой малой твари, готовый, как Франциск Ассизский, проповедовать даже птицам. Но желание исследователей спроецировать его на образ Спасителя наталкивается на непреодолимые сложности и возможно лишь на пути деконструкции текста» [12]. «“Москва — Петушки” — глубоко религиозная книга, но там герой едет, во-первых, к любовнице, а во-вторых, к жене с ребенком. И что, он раскаивается? Да это ему и в голову не приходит», — справедливо замечает В. Муравьев. Можно также отметить, что любимое занятие Венички воспринималось в подлинной религиозной литературе как дело богопротивное: «Пьяницы царствия Божия не наследят» [15]. Однако, по мнению И. Сухих, «и в этом круге образов для ерофеевского героя, кажется, все же находится место». В житиях юродивых, замечал Г. Федотов, христианская святость зачастую прикрывается обликом безумия: «Русским юродивым не была чужда эффектация...». Таким образом, как пишет И. Сухих, «Веничка не и.о. Спасителя («Веничка продолжает вести себя как Иисус». — Э. Власов [3]), а современный юродивый, для которого похабство становится формой святости, способом обнаружения ненормальности “нормальной” советской жизни» [12]. Как видим, будучи бунтарем по натуре, придя к вере непростым, извилистым путем, Ерофеев тем не менее считал религию мерилем духовности и обрел в ней источник вдохновения и утешения.

Заключение

Истоки творчества В. Ерофеева восходят к его личности, к перипетиям собственной жизни, ее многочисленным сложностям, которые ему пришлось пережить с самого раннего возраста. Исторические катаклизмы, обусловившие се-

мейные драмы, голод, болезни, детдом — все это составило травматичный опыт, породивший трагический раскол личности будущего писателя. «Чем глубже травма, тем сложнее текст», — писал В. Руднев [9. С. 124]. К истокам творчества писателя мы относим его литературное дарование — «сумасшествие» как способ оригинального мировосприятия и религиозность, то есть средоточие духовной интенции человека.

Если рассматривать травмы Ерофеева с философско-метафизических позиций, то можно обнаружить, что они привели к появлению в его творчестве черт абсурдности, карнавальности, фантазийности и в конечном счете, как ни парадоксально, — к успеху. При этом мощный литературный талант, уникальная чувствительность к слову, к музыке, исключительная филологическая компетентность — все это было царски-небрежно брошено Ерофеевым к ногам его главной, всепожирающей страсти. Стыдясь своего недуга и одновременно будучи не в силах бороться с ним, он возвел его в культ, воспел, стараясь придать ему ореол символической неизбежности. Но действительно неизбежным оказался лишь его ранний трагический конец.

Возможно, по прошествии нескольких десятилетий Венедикт Ерофеев, образы и смыслы его прозы уже не кажутся такими смелыми и острыми, какими виделись тогда. Однако острота дискуссий, разворачивающихся и сегодня вокруг него и его главного литературного детища, свидетельствует о том, что этот писатель и его творчество волнуют умы людей и по сей день.

© Трощинская-Степушина Т.Е., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] *Берлин В.* Заграница — Москва — Петушки. 2016. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/10/24/46448-zagranitsa-151-moskva-151-petushki> (дата обращения: 19.07.2018).
- [2] *Благовещенский Н.А.* Случай Вени Е.: психоаналитическое исследование поэмы «Москва — Петушки». СПб.: Гуманитарная академия, 2006. 256 с.
- [3] *Ерофеев В.* Москва — Петушки / коммент. Э. Власова. М.: Азбука, 2016. 672 с.
- [4] *Ерофеев В.* Мой очень жизненный путь. М.: Вагриус, 2008. 624 с.
- [5] *Лекманов О., Свердлов М., Симановский И.* Венедикт Ерофеев: последние годы жизни. Глава из книги. 2018. URL: <http://textura.club/venedikt-erofeev/> (дата обращения: 17.07.2018).
- [6] *Минералов Ю.* Не раскрывшийся талант // История русской литературы. 90-е годы XX века: учебное пособие. 2007. URL: <https://history.wikireading.ru/347501> (дата обращения: 22.07.2018).
- [7] *Муравьев В.* Высоких зрелищ зритель // Ерофеев В.В. Записки психопата. М.: Вагриус, 2000. С. 5—12.
- [8] *Новиков В.И.* Заскок: эссе, пародии, размышления критика. 1986—1997. М.: Книжный сад, 1997. 419 с.
- [9] *Руднев В.П.* Философия языка и семиотика безумия: избранные работы. М.: Территория будущего, 2007. 528 с.
- [10] *Седакова О., Виноградов Л.* Венедикт Ерофеев — человек Страстей: интервью. 2013. URL: <https://www.pravmir.ru/venedikt-erofeev-chelovek-strastej2/> (дата обращения: 25.07.2018).

- [11] Сумасшедшим можно быть в любое время. Интервью Венедикта Ерофеева. 2009. URL: <http://www.litsnab.ru/literature/132> (дата обращения: 21.07. 2018).
- [12] *Сухих И.* Заблудившаяся электричка. 2002. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2002/12/suhih.html> (дата обращения: 17.07. 2018).
- [13] Хибины — Москва — Петушки. Летопись жизни и творчества Венедикта Ерофеева / под. ред. В.Э. Берлина // *Живая Арктика*. 2005. № 1.
- [14] *Шмелькова Н.* Во чреве мачехи, или Жизнь — диктатура красного. СПб.: Лимбус Пресс, 1999. 304 с.
- [15] From Moscow to Pietushki (Москва — Петушки) [1990]: док. фильм: электронные видеоданные (1 файл: 39:31 мин.) / реж. П. Павликовский. URL: <https://youtu.be/afWyBJZ37ZU> (дата обращения: 20.07. 2018).

Благодарности:

Исследование выполнено на средства, полученные в результате победы в Международном грантовом конкурсе проектов в области визуального искусства и литературы «Арткоммуналка 2018». Организаторы конкурса: музей-резиденция «Арткоммуналка. Ерофеев и Другие» (г. Коломна), Центр культурных инициатив Московской области, автономная некоммерческая организация «Коломенский посад» при поддержке Министерства культуры Московской области.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27 декабря 2018

Дата принятия к печати: 06 января 2019

Для цитирования:

Трощинская-Степушина Т.Е. «Работать не хочу...» К 80-летию Венедикта Ерофеева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 1. С. 43—53. DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-1-43-53

Сведения об авторе:

Трощинская-Степушина Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории государственного учреждения образования «Средняя школа № 4 г. Витебска». Контактная информация: e-mail: astrid_2000@tut.by

“I don't want to be the slave...” To the 80 anniversary since the birth of Venedikt Erofeyev

T.E. Troschinskaya-Stepushina

Public Institution of Education “High School No. 4 of Vitebsk”
67 Frunze St., Vitebsk, 210009, Republic of Belarus

On October 24, 2018 80 years since the birth of Venedikt Erofeyev — one of the most unusual Russian writers, thinkers and rebels of the XX century were executed. This article is devoted to identification and the description of the nature of creative intension of the writer. Besides, the state-of-the-art review of the main stages biographic and a career of V. Erofeyev is provided. It is proved

that the main sense-forming milestones of the creative nature of the author are the following: sources (or injuries) which defined a drama vector of all course of life; gift as potentiality of the birth of creative energy; “madness” as original, original manifestation of identity and, at last, belief — a powerful moral and spiritual ancestor.

Key words: Venedikt Erofeev, trauma, literature, creativity, madness, talent, belief

References

- [1] Berlin V. Zagrantsa — Moskva — Petushki [Abroad — Moskva — Petushki]. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/10/24/46448-zagrantsa-151-moskva-151-petushki> (accessed: 19.07.2018).
- [2] Blagoveshenskij N.A. Sluchaj Veni E.: psikoanaliticheskoe issledovanie poehmy “Moskva — Petushki” [Veni E. case: psychoanalytic research of the poem “Moscow — Petushki”]. Saint Petersburg: Gumanitarnaya akademiya, 2006. 256 p.
- [3] Erofeev V. Moskva — Petushki / komment. E. Vlasova [Moscow — Petushki]. Moscow: Azbuka, 2016. 672 p.
- [4] Erofeev V. Moj ochen zhiznennyj put [My very much a course of life]. Moscow: Vagrius, 2008. 624 p.
- [5] Lekmanov O., Sverdlov M., Simanovskij I. Venedikt Erofeev: poslednie gody zhizni. Glava iz knigi [Venedikt Erofeev: last years of life. Chapter of the book]. Available at: <http://textura.club/venedikt-erofeev/> (accessed: 17.07.2018).
- [6] Mineralov Y. Ne raskryvshijsya talant [Not revealed talent] // Istorija russkoj literatury. 90-e gody XX veka [History of the Russian literature. The 90th years of the 20th century]: uchebnoe posobie. Available at: <https://history.wikireading.ru/347501> (accessed: 22.07.2018).
- [7] Murav’ev V. Vysokih zrelisich zritel [High shows viewer] // Erofeev V. Zapiski psihopata [Psychopath’s notes]. Moscow: Vagrius, 2000. Pp. 5—12.
- [8] Novikov V.I. Zaskok: esse, parodii, razmyshleniya kritika 1986—1997 [Kink: essay, parodies, reflections of the critic 1986—1997]. Moscow: Knizhnyj sad, 1997. 419 p.
- [9] Rudnev V.P. Filosofiya yazyka i semiotika bezumiya: izbrannye raboty [Philosophy of language and semiotics of madness: chosen works]. Moscow: Territoriya budushchego, 2007. 528 p.
- [10] Sedakova O., Vinogradov L. Venedikt Erofeev — chelovek Strastej [Venedikt Erofeev is the person of Passion]: interv’yu. Available at: <https://www.pravmir.ru/venedikt-erofeev-chelovek-strastej2/> (accessed: 25.07.2018).
- [11] Sumasshedshim možno byt v lyuboe vremya. Interv’yu Venedikta Erofeeva [Mentally ill people can be at any time. Venedikt Erofeev’s interview]. Available at: <http://www.litsnab.ru/literature/132> (accessed: 21.07.2018).
- [12] Sukhij I. Zabludivshayasya elektrichka [Lost electric train]. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2002/12/suhij.html> (accessed: 17.07.2018).
- [13] Hibiny — Moskva — Petushki. Letopis’ zhizni i tvorchestva Venedikta Erofeeva [Khibiny Mountains — Moscow — Petushki. Chronicle of life and Venedikt Erofeev’s creativity]. Zhivaya Arktika, 2005. Pp. 4.
- [14] Shmel’kova N. Vo chreve machekhi, ili Zhizn’ — diktatura krasnogo [In the stepmother’s belly, or Life is dictatorship of red]. Saint Petersburg: Limbus Press, 1999. 304 p.
- [15] From Moscow to Pietushki (Moskva — Petushki) [1990]: dok. fil’m: elektronnye videodannye (1 fajl: 39:31 min) / rezh. P. Pavlikovskij. Available at: <https://youtu.be/afWyBJZ37ZU> (accessed: 20.07.2018).

Acknowledgments:

The study was carried out with funds received because of a victory in the International Grant Competition of Projects in the Field of Visual Art and Literature “Artkommunalka 2018”. Organizers of the competition: the Museum-Residence “Artkommunalka. Erofeev and Others”

(Kolomna), Center for Cultural Initiatives of the Moscow region, Autonomous Non-Profit Organization “Kolomna Posad” with the support of the Ministry of Culture of the Moscow region.

Article history:

Received: 27 December 2018

Revised: 28 December 2018

Accepted: 07 January 2019

For citation:

Troschinskaya-Stepushina T.E. (2019). “I don’t want to be the slave...” To the 80 anniversary since the birth of Venedikt Erofejev. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(1), 43–53. DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-1-43-53

Bio note:

Troschinskaya-Stepushina Tatyana Evgenjevna, Candidate of Philological Sciences, Teacher of Russian and Literature of the Highest Qualification Category, Public Institution of Education “High School No. 4 of Vitebsk”. *Contacts*: e-mail: astrid_2000@tut.by